

5. Лисиченко Л.А. Структура мовної картини світу / Л.А.Лисиченко // Мовознавство. – 2004.– №5/6. – С. 36 – 42.
6. 6.Літературознавчий словник-довідник / [ред. Р. Т. Гром'як, Ю.І. Ковалів, В.І.Теремок]. – К.: ВЦ “Академія”, 2006. – 752, [373] с.
7. Лихачов Д.С. Концептосфера русского языка /Д.С.Лихачов. – 1993. – №1. – С. 9. – (Изв. РАН. Сер. лит. и яз.).
8. Марчук У. Асоціативне поле лінгвокультурного концепту „Дім/Номе” в англійській та українській мовах (на матеріалі прислів'їв та приказок) /У.Марчук. – К.– 2007. – (Література. Фольклор. Проблеми поетики: [зб. наук. праць / редкол: А.В.Козлов та ін.]). – Вип. 28. – Ч.1– К.: Твім інтер, 2007. – 662, [536 – 545] с.
9. Попова З.Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / Попова З.Д., Стернин И.А.. – Воронеж, 1999. – 234 с.
10. Рижский И. Введение в круг словесности / И.Рижский. – Х., 1806. – С.50.
11. Савченко Л. Концептуальна фразеосистема української мови в етнокультурологічному фрагменті родинних традицій / Л.Савченко // Українська мова (науково-теоретичний журнал). – 2008. – №1. – С.77 – 80.
12. Скаб М. Динаміка семантики концепту „Душа” в українській мові / М.Скаб // Українська мова (науково-теоретичний журнал). – 2008. – №1. – С.80 – 89.
13. Українська мова: енциклопедія / [редкол.: В. М. Русанівський, М. П. Зяблюк, О.О.Тараненко та ін.] – 2-ге вид., випр. і доп. – К.: Вид-во “Укр. енцикл.” ім. М.П.Бажана, 2004. – 824, [292] с.: іл.
14. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии: Учебное пособие/ А.Т.Хроленко; [ред. В.Д. Бондалетова]. – 2 изд. – М.: Флинта: Наука, 2005.– 184 с.
15. Фуко М. Археология знания / М.Фуко; [пер. с фр.] – Киев, 1996. – 214 с.
16. Шпенглер О. Закат Европы / О.Шпенглер. – Новосибирск, 1993. – 142 с.

Перепечкина С.Е., Сухарева Е.Е.

ОБУЧЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ИНТОНАЦИИ: ФОНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Современный этап развития лингвистической науки характеризуется возросшим интересом к исследованию звучащей речи, в особенности к изучению супraseгментного уровня, что вызвано потребностями прикладного и теоретического характера. В интонационных исследованиях теория и практика должны быть взаимосвязаны особенно тесно: именно проблемы, с которыми сталкиваются преподаватели-практики при обучении интонации, побуждают исследователей искать лингвистическое решение методических задач. В свою очередь, лингвистически обоснованное описание интонационной системы языка служит основой для выработки наиболее эффективной методики обучения интонации. Поэтому **целью** данной статьи явилось рассмотрение просодических явлений языка как системы и обоснование преимущества использования фонологического подхода при обучении иноязычной интонации.

В настоящее время процесс обучения интонации в значительной степени базируется на имитации и таким образом апеллирует к индивидуальным способностям обучаемых. Однако такой подход нельзя считать оптимальным. Имитационный метод не принимает во внимание тот факт, что иноязычная речь воспринимается через фонологическую систему родного языка. Такое “приблизительное” произношение закрепляется психофизиологическими механизмами речи и приводит к тому, что Л. В. Щерба называл “смешанным двуязычием”, когда элементы фонологической системы изучаемого языка видоизменяются под влиянием системы фонем родного языка. Результатом является прочно зафиксированное интерферированное произношение изучаемого языка. Исследования процесса речевого онтогенеза (см. А. А. Леонтьев [1], Е. Н. Винарская [2]) говорят о том, что супraseгментный уровень характеризуется наибольшей бессознательностью и автоматизированностью навыков. Поэтому мы полагаем, что именно на этом уровне интерференция должна проявляться максимально интенсивно.

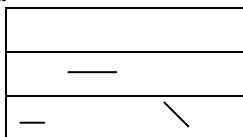
Современные интонационные исследования исходят из практической необходимости разработки основ для построения наиболее эффективной системы обучения интонации, которая позволила бы овладеть интонационной системой изучаемого языка с минимальной зависимостью от индивидуальных особенностей обучаемых и внешних условий. Эти исследования основаны на принципиально ином подходе к пониманию интонационных явлений, который предполагает системное рассмотрение единиц супraseгментного уровня. Такое рассмотрение представлено фонологическим направлением интонационных исследований (см. напр. работы Л. В. Величковой, И. Г. Торсуевой, Е. Штока и Г. Майнхольда, Л. А. Кантер [3; 4; 5; 6]). Фонологический подход предполагает, что супraseгментный уровень, как и другие подсистемы языка, представляет собой систему единиц, обладающих функциональной (смыслоразличительной) значимостью. Поэтому обучение интонационным навыкам, как и артикуляционным, должно начинаться с информации об интонационной системе изучаемого языка, сопоставления основных дифференциальных признаков единиц интонации родного и изучаемого языков. Наличие данных о системных различиях позволит прогнозировать поле интерференции и разработать методику преодоления трудностей.

Рассмотрение интонации с позиций системности восходит к работам Н. С. Трубецкого [7, с. 234], который впервые высказал идею об интонации как фразоразличительном средстве европейских языков и существовании единиц интонационного уровня как системы смыслоразличительных оппозиций по дифференци-

альным признакам. Н. С. Трубецкой предположил, что выработанные им основные понятия фонологии сегментного уровня – оппозиция, дифференциальный признак – применимы и к анализу супraseгментного уровня, подтверждая его системный характер.

Фонологический подход признает интонацию самостоятельным языковым явлением, за которым закреплена передача определенных лингвистических и паралингвистических значений. В противоположность описательному подходу, когда изменения характера мелодики прослеживались на протяжении всей фразы и детально вырисовывалась ее мелодическая конфигурация, фонологический подход предполагает, что смысловозначительная значимость принадлежит лишь отдельным участкам высказывания, которые и отвечают за изменение его коммуникативного типа. Как фонема, по Трубецкому, не совпадает с конкретным звуком, под которым ученый понимает совокупность всех фонологически существенных и несущественных признаков, которые обнаруживаются в той точке звукового потока, где реализуется фонема, так и интонационная модель не может представлять собой точный рисунок конкретного высказывания, отражая все нюансы его акустических характеристик. И на уровне фонем, и на супraseгментном уровне из достаточно однородного звучащего материала человек выделяет отдельные его части, которые служат сигналами определенных фонем или интонационных единиц. “Полная супraseгментная информация о фразе не должна быть воспринята слушателями – носителями языка. Такая информация своей избыточностью просто затрудняла бы процесс общения” [8, с. 5]. Таким образом, из всего комплекса фонетических средств, присущих фразе, необходимо выделить те, которые являются фонологически значимыми дифференциальными признаками. Данные признаки объединяются в интонационные единицы, которые по аналогии с “фонемой” принято называть “интономой” (термин введен В. А. Артемовым [9]). Трактовка данного понятия не совпадает у разных авторов. Наиболее «фонологичным» нам представляется определение интономы, данное И. Г. Торсуевой: “под интономой понимается группа различительных признаков интонации” [10, с. 118]. Таким образом, исходя из принципов фонологического подхода, можно заключить, что интонационные единицы – интономы – соотносятся друг с другом как система оппозиций по дифференциальным признакам. Большинство лингвистов, проводивших свои исследования на материале самых разных языков, выделяют в качестве релевантных интонационных признаков следующие: мелодический пик; интервал падения/повышения тона; уровень начала/конца движения мелодики; направление движения мелодики; амплитуда интенсивности; средняя длительность слога и др. [4; 10]. Что касается проблемы определения локализации дифференциальных признаков в высказывании, то большинство исследователей второй половины XX в. выделяют в качестве “релевантного участка” центр или ядро, то есть главный ударный слог определенного речевого отрезка, на котором происходят значимые тональные изменения. Предполагается, что именно в центре содержится лингвистически значимая информация, например о коммуникативном типе высказывания (см. напр., работы О. А. Норк, Т. М. Николаевой, А. М. Антиповой [11-13]). Наиболее четко фонологический принцип прослеживается, на наш взгляд, в системе интонационных единиц немецкого языка, представленной Э. Штоком и Г. Майнхольдом [5]. Если в работах других исследователей все же наблюдается в той или иной степени связь интонации с ритмикой фразы (отмечается послоговое движение тона), то этими фонологами впервые был осуществлен переход полностью на уровень дифференциальных признаков как критерия выделения интонационных единиц. В основе выделения интономой лежит фонологическая оппозиция, где дифференциальным признаком является наличие/отсутствие падения тона до нижней границы голосового диапазона. По этому признаку интономы немецкого языка делятся на две группы: 1) наличие признака – повествование (утверждение), специальный вопрос и побуждение; 2) отсутствие признака – общий вопрос и незавершенное повествование. Мелодический рисунок общего вопроса контрастирует с интономой первой группы именно по дифференциальному признаку – уровень конца фразы приближается к высокому регистру (в противоположность максимально низкому завершению интономой первой группы), мелодическая дуга общего вопроса выглядит как бы “перевернутой” по сравнению с утверждением. Фонологический подход находит свое отражение и в способе графического представления интономой, когда изображается не весь контур высказывания, а только определенный его участок, на котором локализуется дифференциальный признак. Подобным образом, например, фиксируются высотные уровни тона в системе интономой Э. Штока и Г. Майнхольда, где они являются дифференциальными признаками интономой.

Intonem 1a

Es regnet.

Intonem 2a

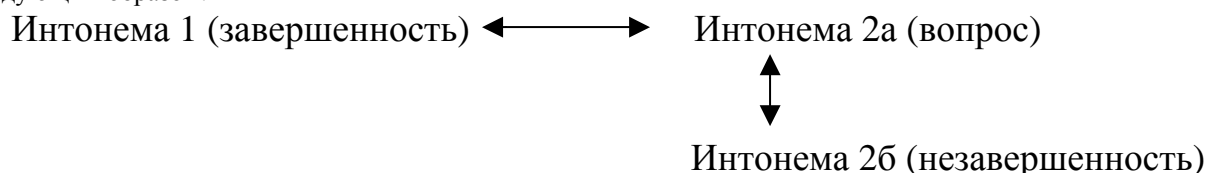
Es regnet?

(Пример взят из монографии Л. В. Величковой [3, с. 123].)

В данной системе нижняя граница низкого уровня выражает интонационную завершенность, средний регистр – незавершенность, значение верхнего уровня – вопросительность и эмфаза.

В собственных экспериментах на материале английского языка [14] были выделены три основные интонаемы, которые функционируют как оппозиции: завершенность (утверждение и специальный вопрос) и вопросительность (общий вопрос) – как привативная оппозиция по признаку отсутствие/наличие повышения тона, а интонаемы незавершенности и вопросительности представляют собой градуальную оппозицию по степени повышения тона.

Схематически отношения единиц интонационной системы английского языка можно представить следующим образом:

Как показано на схеме, интонационная завершенность (Интонаема 1) противопоставлена одновременно незавершенности и вопросительности (Интонаемы 2б и 2а). Это противопоставление основано на направлении движения тона: дифференциальном признаке наличия или отсутствия его повышения. Данная схема отражает и оппозиции мелодики, характерной для интонационной системы немецкого языка. Отметим при этом, что фонологическая нагрузка просодии английского и немецкого языков относительно невелика, если сравнить ее с просодией одного из «музыкальных» языков, например, вьетнамского.

В целом же, любой просодический сигнал (ударение, высота тона, тембр и пр.) является потенциальным носителем фонологической информации. Простым примером может послужить произнесение лишь одного звукового сегмента [o:] как радостное или испуганное «О!». Немецкий фонетист Б. Нойбер приводит этот пример для подтверждения факта существования т.н. просодического ожидания, присущего человеку на основе знания прототипов просодической дихотомии «форма – функция» из опыта речевой коммуникации. Под формой в данном случае подразумевается весь комплекс просодических признаков, состоящий из мелодики, громкости, ударения, темпа и его изменений, ритма, пауз, индивидуально обусловленного качества голоса (тембра). Это аудитивно воспринимаемые параметры, имеющие корреляты во времени. Экспериментальные исследования Б. Нойбера [15] показали, что просодические явления могут восприниматься и интерпретироваться даже тогда, когда они не существуют материально. Так, звучание конца фразы в повествовательных высказываниях было оценено фонетистами как корректное (терминальное), хотя как аудитивный, так и электроакустический анализ подтвердили наличие финального повышения мелодики и частоты основного тона. Этот феномен как раз и объясняется наличием той переменной, которая называется ожиданием (того или иного характера реализации звучащей речи). Реальность существования просодических ожиданий у любых носителей языка (в данном случае это уже стереотипные представления) доказывается, к примеру, тем, что речь взрослого мужчины в европейской культурной среде не ассоциируется с фальцетом.

С точки зрения овладения языком и его употребления особенно важно рассмотрение просодии как полифункционального явления, когда просодические сигналы и их комбинации выполняют, по меньшей мере, следующие семь функций либо комплексов функций (по Нойберу [16, с. 100]):

- а) индексирующую, или идентифицирующую (указывает на индивидуальные особенности говорящего);
- б) фонологическую (обеспечивает смысловую однозначность);
- в) функцию маркировки фразового ударения / ядра высказывания;
- г) функцию членения фразы / ритмическую;
- д) функцию сигнализации эмфазы;
- е) функцию сигнализации эмоций;
- ж) парпросодическую либо биофонетическую функцию (передает оттенки настроения с помощью биофизического превращения энергии в энергию звука). Е.В. Зарецкая в числе семи функций просодии на-

зывает конститутивную (связывает отдельные сегменты/звуки языка в слоги, слова, высказывания), делимитативную (разделяет поток речи на меньшие единицы), коммуникативную (однозначное понимание высказывания), синтаксическую (обозначает тип предложения), экспрессивную (выражает настроения и эмоции), модальную (субъективное отношение говорящего к содержанию высказывания) и стилистическую (официальные/неофициальные отношения между говорящими) [17, с. 146]. Одна и та же комбинация параметров может выполнять разные функции: хриплый голос в сочетании с относительно громкой речью указывает, с одной стороны, на индивидуальные особенности говорящего (а), а с другой, эта же комбинация параметров может сигнализировать о «неудовольствии», «сердитости» (е, ж). Н. И. Жинкин говорит о функциях интонации следующее: «Представление о том, что интонация разделяет синтагмы и синтезирует отдельные предложения в звуковой форме, не только неполно, так как интонация связывает не одно, а целую группу предложений, но и очень неточно. Кроме чисто формальной, интонация выполняет и смысловую функцию. Слова имеют значение, но интонация накладывает на них свою переозначающую печать. ... Интонация значительно больше, чем звуковое оформление предложения» [18, с. 84].

Собственный опыт преподавания коррективного курса фонетики показывает, что овладение интонацией происходит успешнее, если тренировочные упражнения содержат эмоционально окрашенные либо эмпатические высказывания. Материалом могут послужить фрагменты из художественных радиопостановок, содержащих, как правило, множество реплик персонажей и описаний, предоставляя т.о. богатую палитру образцов высказываний различного коммуникативного типа, разнообразной тембральной окраски и т.п. Весьма показателен эксперимент Б. Нойбера, в котором один и тот же текст был прочитан (профессиональным диктором) «монотонно, диктуя» и «энергично, настойчиво». Результат превзошел все ожидания: изменение просодии (трансформация тембра, ритмико-темпоральных, мелодических и динамических признаков) способствовало резкому улучшению запоминания содержания и структуры текста, сделали его для слушателей «более интересным, понятным, логичным, структурированным, значимым» [16, с. 103].

Итак, по результатам исследования могут быть сделаны следующие основные **выводы**:

- 1) Основой обучения иноязычному произношению должна стать «мелодическая база» (термин Л.В. Величковой) языка – система интонационных дифференциальных признаков, реализуемых в пространстве мелодического диапазона данного языка.
- 2) Локализацию дифференциальных признаков во фразе возможно определить при помощи аудитивного анализа фрагментов высказывания.
- 3) Важнейшим отличием в локализации дифференциальных признаков английских, немецких и русских интоном является то, что для русского языка смыслоразличительную функцию выполняет отрезок, включающий предударные слоги интонационного центра, в то время как для английского и немецкого – заударные. Дифференцирующее изменение интонационных параметров в русском языке начинается до интонационного центра, достигая на нем своего пика, а в английском и немецком оно начинается на интонационном центре и продолжается после него – на заударных слогах. Таким образом, для английского и немецкого языков релевантны параметры интонационного центра и постцентра фразы (ее завершение), а для русского – центра и предцентра (начало фразы).
- 4) Речь носителей языка характеризуется, как правило, неисчерпаемым многообразием просодических вариантов, отступая иногда от фонологически стандартных реализаций, что на занятиях может вызвать сомнения в правильности того или иного правила по акцентуации (мелодизации, паузации и т.п.). Следовательно, при обучении иноязычной интонации необходимо учитывать факт просодической вариантности и разнообразия форм – по крайней мере, в рецептивных упражнениях.

Перспективу дальнейших исследований прикладного характера может составить разработка упражнений по преодолению интерференции на основе фонологического метода.

Источники и литература

1. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность / Леонтьев А.А. – М.: Наука, 1969. – 181 с.
2. Винарская Е.Н. Возрастные языки ребенка / Винарская Е.Н., Богомаров Г.М. // Вестн. Воронеж. ун-та. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – № 1. – С. 5-12.
3. Величкова Л.В. Контрастивно-фонологический анализ и обучение иноязычному произношению / Величкова Л.В. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. – 197 с.
4. Торсуева И.Г. Современная проблематика интонационных исследований / Торсуева И.Г. // Вопросы языкознания. – 1984. - №1. – С. 116 - 126.
5. Meinhold G. Phonologie der deutschen Gegenwartssprache / Meinhold G., Stock E. – Leipzig, 1982. – 168 S.
6. Кантер Л.А. Системный анализ речевой интонации: Учебное пособие / Кантер Л.А. – М.: Высшая школа, 1988. – 128 с.
7. Трубецкой Н.С. Основы фонологии / Трубецкой Н.С. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – 372 с.
8. Интонация и языковое сознание: психолингвистическое исследование / О.В. Абакумова, О.В. Бердникова, Л.В. Величкова, Е.В. Петроченко. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. – 154 с.
9. Артемов В.А. Психология обучения иностранным языкам / Артемов В.А. – М.: Просвещение, 1969. – 174 с.
10. Современный русский язык: Учебник: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис / Л.А. Новиков, Л.Г. Зубкова, В.В. Иванов и др. – СПб.: Лань, 2000. – 864 с.

11. Норк О.А. О фонологических признаках просодии и методах их изучения / Норк О.А. // Сб. науч. тр. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1982. – Вып. 201. – С. 149-155.
12. Николаева Т.М. Фразовая интонация славянских языков / Николаева Т.М. - М.: Наука, 1977. – 278 с.
13. Антипова А.М. Ритмико-мелодическая организация английской речи: Уч. пос. / Антипова А.М. - М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1986. – 113 с.
14. Сухарева Е.Е. Дифференциальные признаки завершенности и вопросительности в интонационной системе английского языка (в сопоставлении с русским). Дис. ... канд. филол. наук: 10.12.04. – Воронеж, ВГУ, 2003. – 167 с.
15. Neuber, V. Prosodische Strukturen und globale Kohärenz. Untersuchungen über Form-Funktion-Relationen der Suprasegmentalia. Jena, 2000.
16. Neuber, V. Prosodische Form-Funktion-Relationen. Überlegungen zur Wahrnehmung und Interpretation der „Musik“ des Sprechens. In: DaF. 2. Quartal 2001 / Heft 2 – 38. Jahrgang. – S. 99-103.
17. Зарецкая Е.В. Практическая фонетика немецкого языка: учебник/Е.В. Зарецкая. – Мн.: Аверсэв, 2005. – 328 с.
18. Жинкин Н.И. Язык - речь – творчество / Жинкин Н.И. – М.: Лабиринт, 1998. – 368 с.

Смольницька О.О.

ВЗАЄМОДІЯ АРХЕТИПНИХ СИСТЕМ В УКРАЇНСЬКИХ, ПОЛЬСЬКИХ, СТАРОАНГЛІЙСЬКИХ І КЕЛЬТСЬКИХ ЗАГАДКАХ (НА МАТЕРІАЛІ ПРАЦЬ І.Я.ФРАНКА ТА ЕКСЕТЕРСЬКОЇ КНИГИ)

Український і англосаксонський фольклор (на відміну від російського та британського) не були об'єктом порівняння. Витоки староанглійських загадок пов'язані з давньогерманською культурою взагалі та зі скандинавською зокрема, тому формо-змістові чинники цих творів мають спільні риси, і тому аналізована проблема дотична до досліджуваних нами раніше українсько-скандинавських літературних зв'язків. Загадка визначається як «алегоричне, наємисно приховане, затемнене лаконічне визначення якогось явища чи предмета, яке потребує розгадування» [9, с. 734]. Українські загадки як приклад нерозчленованої язичницької свідомості є цікавим об'єктом аналізу в юнгіанському аспекті і мають перспективу дослідження.

Метою дослідження є порівняти архетипні системи українських, польських, кельтських і англосаксонських загадок періоду раннього християнства. Основний акцент робиться на порівнянні українських і староанглійських загадок.

Відповідно до мети ставляться **завдання**:

- 1) простежити взаємодію язичницьких та християнських архетипів;
- 2) дослідити гномічність кельтських загадок;
- 3) проаналізувати еволюцію кеннінгів у староанглійських загадках.

Матеріалом аналізу є сім староанглійських (англосаксонських) загадок, узятих із Ексетерської книги та опублікованих у виданні Вайетта: Wyatt A. J. Old English Riddles. Boston, L., 1912. Усього в Ексетерському зібранні збереглося 95 загадок [23, с. 273]. Також використовуються збірка Григорія Ількевича «Галицькі приповідки і загадки» (1841), збірка М.Номиса «Українські приказки, прислів'я і таке інше. Збірники О.В.Марковича та інших» (факсиміле 1864 р.), статті І.Я.Франка «Останки первісного світогляду в руських і польських загадках народних» і «Галицько-руські народні приповідки. Передмова до т. 1 (Львів, 1905), т. 2 (Львів, 1908), т. 3 (Львів, 1910)».

Слід зазначити, що до ХХ ст. основний метод вивчення первісної культури та архаїчних літературних пам'яток як її виразників полягав у відділенні «споконвічних» (тобто притаманних твору з самого початку) рис від того, що, як зауважує О.Смирницька, «увялялося в них результатом пізніших вставок і переробок» [25, с. 196], тоді як пам'ятка – це завжди єдність. Тому в нашому дослідженні ми пропонуємо гармонію «накладання» язичницьких та християнських архетипів, їхні взаємодію та взаємопроникнення.

Українське літературознавство стало вивчати первісні витоки культури порівняно недавно. Наприкінці ХІХ – на початку ХХ ст. (тобто в добу раннього модернізму – у часи І.Я.Франка) первісна релігія була розглянута мало, особливо в галузі компаративістики («порівнюючих студій») [30, с. 334], єдиним авторитетним джерелом для дослідника була книга англійського етнографа і антрополога Едварда Тейлора (Тайлора) (1832 – 1917) «О початках культури» (сучасний переклад – «Первісна культура», оригінал – «Primitive culture», 1871, 1873).

У передмові до 1-го тому збірки «Галицько-руські народні приповідки» («Етнографічний збірник», т. Х, Львів, 1901, с. V – VIII) І.Я.Франко порівняв свої записи з давнішими збірками, серед яких згадав працю Григорія Ількевича «Галицькі приповідки і загадки, зібрані Григорієм Ількевичом». У ВБдні, 1841, стор. VI + 124 » [27, с. 296].

Слід зауважити, що зібрані Г.Ількевичем «червоноруські» загадки цікавили не тільки Номиса (Матвія Терентійовича Симонова, 1823 – 1901) та І.Франка, а й інших збирачів, наприклад, зарубіжного (підданого Російської імперії) І.П.Сахарова, автора відомої книги «Сказання русского народа» (1836 – 1849), де в розділі «Русское народное чернокнижие» вміщені й загадки росіян, сербів і «червонорусів». Як указує сам І.Сахаров: «Загадки червоно-русские взяты из собрания Григория Илькевича: Галицкие приповедки и загадки. У Ведни. Напечатано Черенками О. О. Мехтаристов. 1841» [11, с. 197]. Ця збірка, видана після успі-